

УДК 94(47).08

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-936-947

EDN PCWXDL

Оригинальное исследование

Деятельность органов местного самоуправления по размещению военнопленных на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны

Сергиенко М.А. Галушко И.Г.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: sergienko@bsuedu.ru, galushko@bsuedu.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность органов местного самоуправления на территории Курской губернии по содержанию военнопленных в годы Первой мировой войны. Обобщается управленческая практика органов местного самоуправления в исследуемой сфере. Анализируются механизмы и результаты деятельности органов земского самоуправления по устройству военнопленных на территории Курской губернии. Определяются функции органов местного самоуправления по размещению военнопленных на территории губернии. Характеризуются особенности работы по привлечению военнопленных к сельскохозяйственным работам. Выявляются проблемы, связанные с организацией труда военнопленных, особенности их содержания. Формулируются выводы относительно эффективности и специфики деятельности органов местного самоуправления по размещению военнопленных на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, органы местного самоуправления, городская дума, городская управа, земства, Курская губерния, военнопленные

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Сергиенко М.А., Галушко И.Г. 2025. Деятельность органов местного самоуправления по размещению военнопленных на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 936–947. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-936-947. EDN: PCWXDL

Activities of Local Self-Government Bodies on the Placement of Prisoners of War in the Kursk Province during the First World War

Marina A. Sergienko , Inna G. Galushko

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: sergienko@bsuedu.ru, galushko@bsuedu.ru

Abstract. The article examines the activities of local self-government bodies in the Kursk province in keeping prisoners of war (POWs) during World War I. The article summarizes the management practice of local governments in the field under study. The authors analyze the mechanisms and results of the activities of zemstvo self-government bodies for the placement of POWs in the territory of the Kursk province and determine their functions. Characteristic features of the activities aimed at involving POWs in agricultural works are characterized. The study reveals problems related to the organization of POW labor and their living conditions.

Conclusions are drawn regarding the effectiveness and specifics of local governments' actions for the placement of prisoners of war in the territory of Kursk province during the First World War.

Keywords: World War I, local governments, city Duma, city council, zemstvo authorities, Kursk province, prisoners of war (POWs)

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Sergienko M.A., Galushko I.G. 2025. Activities of Local Self-Government Bodies on the Placement of Prisoners of War in the Kursk Province during the First World War. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 936–947 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-936-947. EDN: PCWXDL

Введение

С началом Первой мировой войны Российской империи потребовалась перестройка функционирования всего хозяйственного механизма. Промышленная деятельность сосредоточилась на военном производстве, что негативно сказалось на нуждах гражданского населения. Экономика страны не была подготовлена к ведению затяжной войны, изнурительной кампании. Планы мобилизации важнейших хозяйственных отраслей разрабатывались схематично, без надлежащих оценок реальных возможностей перестройки экономики. Война привела к повсеместному временному сокращению посевных площадей основных продовольственных зерновых культур. Это особенно задело поместья хозяйства, являвшиеся, как правило, товарными. Несомненно, заметное сокращение посевных площадей поместьиных хозяйств не могло не отразиться на их экономическом потенциале. В этой связи наиболее остро стояла проблема обеспечения поместьиных хозяйств рабочей силой. В связи с этим правительством было принято решение направить к выполнению сельскохозяйственных работ военнопленных, прибывающих на территорию Российской империи.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является деятельность органов местного самоуправления по устройству военнопленных на юге Курской губернии в годы Первой мировой войны.

Методологическую основу исследования составили: общенациональный метод анализа, статистический метод, системный подход, а также принципы объективности и историзма.

Источниковая база исследования представлена материалами фондов Государственного архива Белгородской области, а также Государственного архива Курской области и опубликованными источниками.

Различные аспекты, связанные с размещением военнопленных на территории Курской губернии, рассматривались в работах А.Н. Курцева [Курцев, 1997], Ф.А. Гаврикова [Гавриков, 2022; Гавриков, 2023], Г.А. Салтык [Салтык, 2015]. При этом авторы уделяли внимание отдельным аспектам организации жизни городов в военных условиях, мерам помощи, оказываемым беженцам и военнопленным. Таким образом, требуется освещение региональной специфики, связанной с деятельностью органов местного самоуправления по реализации правительственной политики в сфере размещения военнопленных на территории юга Курской губернии в годы Первой мировой войны. Научная новизна работы определяется также введением в научный оборот новых архивных документов.

Результаты и их обсуждение

За годы Первой мировой войны в России было мобилизовано в армию 15–16 млн человек, что примерно составило 9 % населения страны [Массовые источники..., 1976, с. 140]. По мнению В.И. Бовыкина: «В аграрной стране, которой была Россия, мобилизация ударила, прежде всего, по деревне. При преобладании на сельскохозяйственных работах живой рабочей

силы уход миллионов здоровых мужчин на фронт привел к сокращению посевных площадей в 1915 г. на 20 %» [Бобыкин, 1988, с. 94]. В результате упали валовые сборы всех хлебов и картофеля, исчислявшиеся в 1909–1915 гг. в среднем 7 млрд пудов, до 5,1 млрд пудов в 1916 г. [Яковлев, 1993, с. 229].

В марте 1915 г. только при падении Перемышля в плен попали 9 генералов, 2,5 тыс. офицеров, 120 тыс. солдат австро-венгерской армии [Яковлев, 1993, с. 229]. В.С. Васюков отмечает, что: «Брусиловский прорыв за первые сутки наступления дал 900 офицеров и свыше сорока тысяч пленных солдат, на 5 день это число возросло до 1 240 и 71 тыс. соответственно» [Васюков, 1966, с. 136]. Эти события привели к тому, что появилась возможность использовать здоровых военнопленных на сельскохозяйственных работах. В этом в первую очередь были заинтересованы земледельцы, так как одной из важных проблем, остро вставших перед помещичьим хозяйством в годы Первой мировой войны, была проблема обеспечения рабочей силой. Изъятие половины лучших работников явилось одной из наиболее важнейших причин, вызвавших глубокое расстройство сельского хозяйства.

В начале 1915 г. в связи с развитием экономического кризиса проблема рабочей силы в сельском хозяйстве стала первоочередной. «В связи с этим правительство принимает решение направить на сельскохозяйственные работы военнопленных. Первоначальным нарядом Министерства земледелия в 32 губерниях на сельскохозяйственные работы было направлено 163 тыс. военнопленных за счет боевых поступлений. Позднее эти же губернии получили еще 77 тыс., что в сумме составило 240 тыс. военнопленных» [Первая мировая война, 1994, с. 234].

Основными структурами, ведавшими военнопленными, были специальные отделы штабов фронтов, округов и Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). «К январю 1916 г., когда положение в сельском хозяйстве ухудшается, в ГУГШ стали поступать многочисленные ходатайства земских управ об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» [Чериминский, 1951, с. 27]. В связи с этим «Особым совещанием при Военном министерстве с 15 января 1916 г. все наличное число военнопленных перевели в распоряжение Министерства земледелия. С этого времени данное министерство заведовало отправкой пленных в распоряжение земских управ» [Сергиенко, 2012].

В конце марта 1917 г. расширился круг организаций, занимавшихся пленными. К ним добавилось управление, заведующее содержанием и эвакуацией военнопленных в пределах Кавказского военного округа. В июле при уточнении предметов ведения отделов Управления дежурного генерала Штаба Верховного Главнокомандующего в составе организационного отдела было объявлено отделение о военных и трофеях, а инспекторского – отделение переписки по запросам об участии военнопленных.

В первый год войны заметно сократилось предложение на рынке рабочей силы, а на втором и особенно на третьем году понятие о таком рынке становится все более условным [Чериминский, 1951, с. 92]. «Обычный добровольный наем уступил место различным способам вербовки или различным формам принудительного труда. Уменьшение рабочих рук помещики старались покрывать рабочей силой военнопленных. Они использовали свое господствующее положение в стране для того, чтобы обеспечить направление большей части военнопленных на сельскохозяйственные работы. Следует сказать, что с возрастанием размеров хозяйства росла и доля военнопленных в общем числе наемных годовых и сроковых рабочих у помещиков. В низших группах хозяйств (с посевом до 50 десятин) пленные составляли от 12,3 до 18,7 % всей наемной рабочей силы, в высших группах (с посевом от 500 десятин и более) их было около трети, и только у наиболее крупных помещиков эта доля несколько менее 27,4 %» [Чериминский, 1951, с. 97].

«По данным двух специальных анкет экономического отдела и медико-статистического бюро Всероссийского земского союза, собранных относительно 153 963 военнопленных, в нечерноземной полосе Европейской России работали в 1916 г. 17 883 чел., или 11,6 %, остальные 136 080 чел., или 88,6 %, приходились на черноземную полосу» [Лященко, 1950, с. 166]. Противоречивое влияние принудительного труда военнопленных на положение сельского хозяйства состояло в том, что, с одной стороны, рабочая сила пленных заменяла

убывших в армию мужчин, с другой – давление на уровень заработной платы вызвало отлив рабочей силы сельского хозяйства, усиливая и без того острую нехватку рабочих рук.

Между министрами шли постоянные споры о распределении трудовых ресурсов – военнопленных. «Межведомственная неразбериха проводилась подчас к тому, что один и тот же отряд рабочей силы формально числился за несколькими министерствами. Заполучив однажды работников, ведомство стремилось удержать их, «отбивалось» от посягательств других министерств. Распределение военнопленных по ведомствам показывает, что в течение двух военных лет самый значительный их контингент поступил в распоряжение Министерства земледелия. Оно оказалось в самом выгодном положении, получив 57,3 % всех военнопленных, тогда как промышленность и железнодорожный транспорт получили вместе только 30,5 %» [Анфимов, 1962, с. 98].

«Вся масса состоявших на сельскохозяйственных работах военнопленных была сосредоточена в тридцати восьми губерниях России. В Европейской части (главным образом, в Бессарабии до восточной границы Области Войска Донского и от Черного и Азовского морей до северной границы Ростовской губернии), далее идет центр южнее Москвы (Тульская, Орловская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Рязанская, Пензенская губернии), южная часть Поволжья (Симбирская, Самарская, Саратовская, Астраханская губернии) и Северокавказские губернии (Ставропольская, Кубанская область); в Азиатской России – Томская и Тобольская губернии и Степная область. Меньше военнопленных находилось в Московском районе, и почти совершенно не было их в районе севернее Москвы» [Экономическое положение России..., 1961, с. 65]. Основанием для такого распределения военнопленных послужила необходимость обеспечить рабочей силой наиболее хлебородные районы и в первую очередь те части черноземной и степной полосы Европейской России, которые находились в непосредственной близости к фронту и где массы населения отвлекались от своих хозяйств на окопные работы и вообще по обслуживанию действующей армии.

Согласно обязательному постановлению главного начальника снабжения армии юго-западного фронта, все германские и австро-венгерские подданные, числящиеся на действительной службе, считались военнопленными и подлежали немедленному аресту⁷⁵. Запасные чины также признавались пленными, высыпались из местностей Европейской России и Кавказа в Вятскую, Вологодскую, Оренбургскую губернии и из Сибири в Якутскую область. Арестованные с уликами шпионства придавались суду, а арестованные лишь по подозрению в шпионстве, но без определенных улик, немедленно высыпались в указанные выше губернии. Мирно занимающиеся и находящиеся вне всякого подозрения австрийцы и германцы могли оставаться на своих местах и пользоваться покровительством российских законов⁷⁶.

Политика в отношении военнопленных определялась такими факторами, как их национальная принадлежность, звание, условие пленения. На территории России находились военнопленные: венгры, австрийцы, немцы, чехи, словаки, поляки, представители других национальностей. К лицам немецкой, австрийской и венгерской национальностей проявлялось более жесткое отношение. Это было связано с тем, что представители данных наций чаще других совершали побеги, диверсии, уклонялись от работ.

Военнопленные, отпущенные Военным ведомством в распоряжение гражданских властей для исполнения тех или иных работ, обязаны были беспрекословно подчиняться приставленной к ним страже и исполнять все установленные требования в отношении порядка содержания, продолжительности рабочего времени и прочего. Виновные же в неисполнении подвергались аресту при тюрьме сроком до трех месяцев⁷⁷.

Например, в мае 1915 г. в Новооскольскую земскую управу из Курской губернской земской управы поступил циркуляр, в котором говорилось о том, что «Новооскольская

⁷⁵ Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. 101. Оп. 1. Д. 103. Л. 6.

⁷⁶ ГАБО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 103. Л. 9.

⁷⁷ ГАБО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 103. Л. 60.

уездная земская управа должна принять на себя всю ответственность по содержанию военнопленных согласно Высочайше утвержденных правил»⁷⁸.

Курская губерния по количеству взятых в армию на одно хозяйство занимала одно из первых мест по России [Головин, 2001, с. 111]. «К 1915 г. дефицит рабочих рук в сельском хозяйстве Курской губернии ощущался не остро, поэтому уездные земские управы поначалу отказывались брать на себя обязательства и ручательства по надзору, содержанию и приему военнопленных. Мотивами к этому послужила большая перегруженность малочисленного количества земских служащих, на которых могли бы возложить работы по содержанию военнопленных, текущими обязанностями» [Сергиенко, 2012]. Кроме того, земские управы сообщали, что для содержания военнопленных до их отправки к земледельцам не имелось подходящих помещений. Ограниченнное количество медицинского персонала и санитарная помощь не могла быть оказана надлежащим образом⁷⁹.

Однако осенью 1916 г. был объявлен новый призыв – около двух миллионов человек для пополнения понесенных потерь в России. Следовательно, положение в сельском хозяйстве ухудшается, и в Главное управление Генерального штаба поступают многочисленные ходатайства земских управ об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы. Это было связано с тем, что в уездные управы поступало множество аналогичных прошений от земледельцев. Так, например, землевладелец Александр Федорович Иваницкий-Василенко направлял в Новооскольскую уездную земскую управу ходатайство с просьбой выделить ему военнопленных для сельскохозяйственных работ⁸⁰.

Нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве обратила на себя внимание императора. На Особом межведомственном совещании при Военном министерстве было принято постановление: «... все наличное число трудоспособных военнопленных предоставить в распоряжение Министерства Земледелия для обращения их на сельскохозяйственные работы... Военный министр, придавая огромное значение этому вопросу, приказал обратить особое внимание на то, чтобы ни один военнопленный, сколько-нибудь трудоспособный, не оставался бы в лагере без назначения и все были бы отданы сельским хозяевам...»⁸¹.

Также ужесточался режим работы военнопленных. Всякие отказы от работы надлежало карать дисциплинарными мерами. «Что касается до больных военнопленных, то возвращению в распоряжение Военного ведомства подлежат из них лишь те, когд ввиду своего болезненного состояния окончательно непригодны даже к полевым работам, остальные же заболевшие военнопленные подлежат отправлению в лечебные заведения и возвращаются, по выздоровлению, в распоряжение работодателей, у коих они заболели»⁸².

Поток военнопленных, прибывающих на территорию Курской губернии, вызвал проблему учета и контроля этой массы. Во-первых, это было вызвано опасностью возникновения эпидемий различных инфекционных заболеваний. Поэтому уездные земские управы, в частности Новооскольская, обязаны были собирать сведения о количестве военнопленных, которые назначались на уезд и действительно в него поступали, и как распределялись по территории уезда. Кроме того, на каждого военнопленного в отдельности должна была заводиться регистрационная карточка для того, чтобы Штаб округа мог своевременно выдавать справки о месте нахождения того или иного пленного, но уездные воинские начальники и заведующие военнопленными не всегда своевременно выполняли данные обязательства. Для пресечения подобных явлений Штаб Округа применял дисциплинарные взыскания.

Хотя в течение 1915–1916 гг. земледельцы Курской губернии и получили 7 тыс. военнопленных, но к 1917 г. по-прежнему ощущалась потребность в рабочих руках, главным

⁷⁸ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 11. Л. 234.

⁷⁹ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 11. Л. 662.

⁸⁰ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. Л. 264.

⁸¹ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. 172.

⁸² ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. 175.

образом для ухода за домашним скотом⁸³. «Эта работа могла выполняться военнопленными, которые не были годны для фабричных, заводских и особенно рудниковых работ. Поэтому в это время признается желательным шире использовались контингент слабосильных пленных. Такие военнопленные могли быть обращены на работы лишь в том случае, если они были признаны врачом способными выполнять не требующие силы работы и сами этого пожелали. Причем эти пленные содержались на особом учете, так как работа должна была укрепить их силы, после чего они могли быть использованы по нарядам ГУГШ» [Сергиенко, 2012].

Уже в марте 1917 г. министр земледелия Шингарев порекомендовал «военнопленных, ожидающих отправки на работу или вышедших из лечебных заведений, употреблять для огородных работ в городах и отпускать этих пленных городским управам и огородникам – арендаторам городских земель»⁸⁴.

Несмотря на все меры предосторожности, неоднократно наблюдались случаи побега военнопленных с сельскохозяйственных работ. В Штаб округа поступали сведения, что в результате нарушения частными лицами порядка содержания пленных часть их пользуется полной свободой вплоть до разгуливания по улицам в штатской одежде. Так, «... на одном из медицинских пунктов был случай побега трех военнопленных, работавших там в качестве прислуки и воспользовавшихся для побега тем обстоятельством, что они были одеты администрацией пункта в русскую одежду защитного цвета с кокардой Красного Креста на фуражке...»⁸⁵. Неоднократно совершались побеги и из частных хозяйств.

«12 февраля 1916 г. около часа дня из экономии братьев Пантелеимона и Николая Пантелеимоновичей Дерябина при слободе Серебрянке Слоновской волости бежал с сельскохозяйственных работ военный австриец Отто Кротофель, за коим были посланы в погоню управляющий экономии служащий в ней крестьянин Перелюков и рабочий Григорий Сурначев, которые в пяти верстах от экономии по дороге на Новый Оскол догнали Кротофеля, пытавшегося оказать им сопротивление...»⁸⁶. Это был не единственный случай побега. Участившиеся побеги заставляли усиливать охрану и ограничивать возможности передвижения пленных. Такие действия пленных были следствием ухудшения положения в сельском хозяйстве. Это подстегивало землевладельцев к более жесткому режиму содержания военнопленных.

Одной из форм распределения была заявка отдельных землевладельцев. Другой формой являлось распределение их через губернские и уездные земства, получавшие военнопленных из лагерей большими партиями по несколько тысяч человек. Эти военнопленные распределялись, главным образом, по частновладельческим хозяйствам и частично – по хозяйствам зажиточных крестьян, что вызывало возмущение остальных. При необходимости военнопленные отзывались правительством, прежде всего из крестьянских хозяйств.

«В октябре 1916 г. орловский губернатор А.В. Арапов извещал ministra земледелия А.А. Бобринского, что "неравномерное" отношение к нуждам крупных землевладельцев и крестьян "вызывало ропот и сильное недовольство" среди последних, а в одном из уездов – "открытое возмущение, грозившее перейти в массовый беспорядок"» [Экономическое положение России..., 1967, с. 52].

Китанина Т.М. отмечает, что «В 1916 г. в крестьянских хозяйствах в наличии было 19,6 тыс. человек, тогда как в частновладельческих хозяйствах – 22,7 тыс., что в процентном отношении к общему числу работников составляло соответственно 1,1 и 20,8 %» [Китанина, 1985, с. 58]. С точки зрения экономической эффективности, малопроизводительный труд военнопленных не мог восполнить потерю в живой рабочей силе, вызванных мобилизацией. Тем не менее это был один из видов весьма существенной помощи помещичьему землевладению в условиях военной обстановки.

⁸³ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 22. Л. 662.

⁸⁴ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 22. Л. 230.

⁸⁵ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 22. Л. 553.

⁸⁶ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

Во всеподданнейшей записке, датированной маев 1916 г., Б.В. Штюрмер назвал «заведование военнопленными... чрезвычайным бременем для губернского управления» и высказался за необходимость строжайших карательных мер» [Китанина, 1985, с. 55]. На совещании губернаторов центральных губерний в мае – июне 1916 г. вопрос о положении военнопленных подвергся специальному обсуждению. Совещание признало законным применение к военнопленным телесных наказаний за отказ от сельскохозяйственных и прочих работ. Поэтому в июле 1916 г. было предложено «всем начальникам полиции принимать самые энергичные меры к тому, чтобы военнопленные, в особенности немецкой и мадьярской национальности, работающие в местах, расположенных у железнодорожных линий, находились под действительным надзором...»⁸⁷.

В связи с обострившейся нуждой в рабочих руках на заводских предприятиях, работающих на оборону, и в связи с завершением периода полевых работ в сельском хозяйстве в январе 1916 г. военный министр направил губернаторам телеграммы с просьбой выяснить, какое количество военнопленных из состоящих на сельскохозяйственных работах необходимо сельским хозяевам на осенне и зимнее время, а также о возвращении остальных в распоряжение Военного ведомства.

Военный министр потребовал срочного возвращения 30 % общего числа состоящих на сельскохозяйственных работах военнопленных, признавая промедление опасным интересам обороны⁸⁸. Земским управам было предложено немедленно возвратить Военному ведомству всех военнопленных из крестьянских хозяйств, а также тех военнопленных, которые использовались управами в качестве лакеев, кучеров, поваров и вообще прислуги.

Так, например, 30 мая 1916 г. землевладелец Я.И. Шевцов и А.И. Шевцов направили ходатайство в Курскую губернскую земскую управу об отпуске для предстоящей уборки хлебов 60 человек военнопленных. Из телеграммы в Новооскольскую земскую управу от 4 июня 1916 г. следовало, что в распоряжение землевладельца Огурцова поступало 30 человек военнопленных на станции Н. Оскол⁸⁹. Земская управа со своей стороны подтвердила нужду в рабочих руках и поддерживала данные ходатайства⁹⁰.

24 июня 1916 г. всем земским управам и полицейским исправникам Курской губернии поступило распоряжение губернатора о том, что в целях достижения скорейшего удовлетворения ходатайств об отпуске военнопленных на работы в сельское хозяйство частные промышленные предприятия, желающие получить в свое распоряжение военнопленных, подавали впредь заявление непосредственно в Штаб подлежащего военного округа, своевременно минуя промежуточные инстанции, как то губернатора, фабричных инспекторов и соответствующих им должностных лиц, не испрашивая предварительного разрешения Главного управления Генерального штаба⁹¹.

Одновременно происходило освобождение части военнопленных по состоянию здоровья. Такие пленные проходили освидетельствование комиссией врачей на предмет причисления к категории инвалидов. В случае признания их таковыми они направлялись на сборный пункт инвалидов в Москву. «Обмену подлежали все тяжело раненые и больные, увечья и болезни которых делают их длительно или навсегда неспособными к строевой службе, а офицеров и унтер-офицеров также годными к обучению молодых солдат и канцелярской службе...»⁹². Право на отправку давала частичная или полная потеря одной или нескольких конечностей, потеря зрения, окончательный или обширный паралич, повреждение мозга с тяжелыми последствиями и другие заболевания, обуславливающие непригодность означенных лиц для строевой службы, для обучения войск и для службы в штабах.

⁸⁷ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. Л. 171.

⁸⁸ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 11. Л. 203.

⁸⁹ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 11. Л. 28.

⁹⁰ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 11. Л. 26.

⁹¹ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 11. Л. 31.

⁹² ГАБО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 28. Л. 73.

Необходимо отметить, что по понятным причинам данная категория военнопленных не могла использоваться для работ в промышленности и сельском хозяйстве.

В июне 1916 г. последовало ходатайство Правления Союза об отпуске военнопленных из Чешско-Словацкой стрелковой бригады. Это осуществили, но с некоторыми условиями, так как тех военнопленных, которые работали для нужд обороны и сельскохозяйственных работ, снимали с работ только по замене другими военнопленными, «производить такую замену в кратчайшие сроки. Отправляемым в Киев нижним чинам необходимо было предоставлять обмундирование, выдав им недостающие у них вещи, и заменить пришедшие в негодность»⁹³.

В ноябре 1916 г. ГУГШ уведомил командующих войсками, что от обязательных работ освобождались унтер-офицеры, в марте 1917 г. они снова были привлечены к работам⁹⁴. Это произошло потому, что правительства Австро-Венгрии и Германии, вопреки заключенному с Россией соглашению о непривлечении к принудительным работам военнопленных унтер-офицеров, нарушали его. Солнцева С.А. отмечает, что «...30 июня 1917 г. военный министр утвердил «Правила, устанавливающие особые льготы для военнопленных чехов, словаков и поляков» [Солнцева, 2000, с. 101]. Согласно им, «указанным категориям пленных разрешались обмен письмами между лагерями и переписка с соответствующими национальными организациями, создание класса взаимопомощи библиотек и т. п.» [Солнцева, 2000, с. 103]. Офицерам и лицам интеллигентных профессий предоставлялось право проживания на частных квартирах.

В связи с изменением ситуации в стране в июле 1917 г. министр земледелия В.М. Чернов издал инструкцию земельным комитетам о порядке регулирования земельных отношений [Экономическое положение..., 1988, с. 288]. Первый параграф данной инструкции касался распределения военнопленных. Чернов признавал право распределения военнопленных за волостными продовольственными комитетами, которые были компетентными в данном вопросе. В целях наилучшего использования труда военнопленных было предложено образовать артели, которые должны были находиться в распоряжении волостных и сельских комитетов. Особенно необходимым признавалось использование труда военнопленных для обработки или уборки полей, взятых у частных владельцев, которые не в состоянии их обработать или убрать.

С установлением в стране Советской власти использование труда военнопленных не прекращалось, хотя и произошли существенные изменения. Декретом Совнаркома от 25 июня 1918 г. была образована Центральная коллегия по делам пленных и беженцев⁹⁵. В это время был поднят вопрос о военнопленных, находящихся в частновладельческих хозяйствах. Решено было в предприятиях и заводах, работающих на оборону и для армии, оставить то количество военнопленных, которое обслуживало предприятие до сего времени. Владельцы данных предприятий должны были ежемесячно доплачивать за каждого военнопленного по 30 руб. на организацию помощи в обработке полей и мелких хозяйствах⁹⁶. На заседании Новооскольского уисполкома 27 июня 1918 г. было решено $\frac{1}{4}$ часть военнопленных оставить, а $\frac{3}{4}$ передать в распоряжение уездного Продовольственного комитета для равномерного распределения их по волостным Продкомитетам с целью передачи в наиболее нуждающиеся мелкие хозяйства⁹⁷.

В отношении отказа пленных от работ положение осталось прежним. В этом случае принимались самые энергичные меры к тому, чтобы военнопленные не прогуливались без дела по деревням и городам. Если же пленные отказывались от работ, не желая подчиняться хозяевам, то они передавались в распоряжение начальника гарнизона.

В 1917 г. был поднят вопрос о принятии военнопленных в русское подданство⁹⁸. Согласно Брестскому мирному договору, каждая сторона должна была возместить издержки на содержание

⁹³ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 28. Л. 361.

⁹⁴ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. Л. 639.

⁹⁵ ГАБО. Ф. Р. – 528. Оп. 1. Д. 21. Л. 6.

⁹⁶ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 4. Л. 41.

⁹⁷ Там же. Л. 37.

⁹⁸ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 18. Л. 27.

военнопленных. Плата производилась отдельными взносами за каждые 50 тыс. человек. Вследствие этого возникала возможность злоупотребления для избавления своего государства от расходов. Переход в русское подданство предоставлялся на рассмотрение местных Советов.

Нельзя сказать, что огромное количество военнопленных пожелало принять советское гражданство, но такие случаи были. Так, например, делопроизводитель Городского Подотдела В.М. Безгребельный в своем докладе заведующему Новооскольским отделом управления в частности отметил, что в русское подданство был принят военнопленный австриец гражданин Дьяковский⁹⁹.

В 1918 г. начался активный процесс отправки беженцев на родину, что повлекло за собой определенные трудности. Всю массу пленных невозможно было отправить сразу, из-за чего они скапливались в губернских городах. Вследствие этого в ноябре 1918 г. была временно приостановлена отправка пленных до того, как к этому представится возможность.

По приказу главного начальника снабжения армии Юго-Западного фронта «...все военные и гражданские правительственные учреждения, в распоряжении которых находились военнопленные, были обязаны пересматривать у них одежду и обувь...»¹⁰⁰. Тем, чья одежда износилась, выделяли штаны, белье и прочее из поношенного, но годного. Землевладельцы получали необходимую пленным одежду и обувь от уездных земских управ, или же им разрешалось приобрести вещи на деньги, причитающиеся уплатой управе за службу пленных.

Необходимо отметить, что одежда и обувь военнопленных находились не в лучшем состоянии. Так, один из землевладельцев Новооскольского уезда сообщал, что у него имелось два военнопленных, из которых хорват 40 лет имел единственную старую, изношенную ботинку, порванную, чинившиеся уже неоднократно, имел единственную чулку и единственную брюку. Второй военнопленный имел тоже одни ботинки, сильно поношенные, всего одни чулки и единственную порванную и заплатанную брюку¹⁰¹.

Такое положение, особенно в зимние месяцы, вызывало большое количество заболевших ревматизмом и простудными заболеваниями. Это увеличивало процент нетрудоспособных пленных.

Заключение

Военные действия, на фронтах приводящие к пленинию большого количества неприятеля и увеличению численности мобилизованных в армию, привели к ужесточению режима содержания военнопленных. Хотя пленные и обеспечивались всем необходимым, но не всегда их обмундирование, условия труда были приемлемыми. На территории Курской губернии условия содержания военнопленных соответствовали мировым нормативно-правовым актам, изданным в этой области. Постепенно происходило включение массы пленных не только в экономическую, но и в политическую жизнь страны. Понятие «плен» к находившимся в стране неприятельским военнопленным все более размывалось, пока не исчерпало себя полностью.

Список источников

- Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. 101. Помощник начальника губернского жандармского управления в Белгородском, Грайворонском, Корочанском, Старооскольском и Новооскольском уездах. Оп. 1. Д. 103.
ГАБО. Ф. 21. Новооскольская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 11.
ГАБО. Ф. 21. Новооскольская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 18.
ГАБО. Ф. 21. Новооскольская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 21.
ГАБО. Ф. 21. Новооскольская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 22.
ГАБО. Ф. 21. Новооскольская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 28.

⁹⁹ ГАБО. Ф. Р. – 388. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.

¹⁰⁰ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. Л. 217.

¹⁰¹ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 28. Л. 311.

ГАБО. Ф. Р. – 528. Новооскольский исполнительный комитет уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 21.

ГАБО. Ф. Р. – 388. Новооскольский уездный отдел управления. Оп. 1. Д. 1.

Список литературы

- Анфимов А.М. 1962. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). Москва, Соцэкиз, 383 с.
- Бовыкин В.И. 1988. Россия накануне великих свершений. К изуч. соц.-экон. предпосылок Великой Окт. соц. революции. Москва, Наука, 151 с.
- Васютков В.С. 1966. Внешняя политика Временного правительства. Москва, Мысль, 496 с.
- Гавриков Ф.А. 2022. Главы городов Черноземья в годы Первой мировой войны. Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета. 2 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glavy-gorodov-chernozemya-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny/viewer> (дата обращения: 01.08.2025)
- Гавриков Ф.А. 2022. Организация жизни городов Курской губернии в условиях Первой мировой войны. Современная научная мысль. 2: 53–59.
- Гавриков Ф.А. 2022. Роль городов Курской губернии в организации размещения больных и раненых воинов, беженцев и военнопленных, а также помощи фронту и семьям призванных во время Первой мировой войны. Современная научная мысль. 4: 53–59.
- Головин Н.И. 2001. Военные усилия России в мировой войне. Москва, Кучково поле, 434 с.
- Китанина Т.М. 1985. Война, хлеб и революция. Ленинград, Наука: Ленингр. отд-ние, 384 с.
- Курцев А.Н. 1997. Беженцы I мировой войны в Курской губернии: 1914–1917. В: Курские тетради: Курск и куряне глазами ученых. Курск, Б.и.: 33–64.
- Лященко П.И. 1950. История народного хозяйства СССР. Ленинград, Гос. изд-во полит. лит., 656 с.
- Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. 1979. Отв. ред. И.Д. Ковальченко. Москва, Наука, 415 с.
- Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории: Сб. ст. 1994. Отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. Москва, Наука, 302 с.
- Салтык Г.А. 2015. Военный шпионаж в российской провинции в годы Первой мировой войны. По материалам Государственного архива Курской области. В: Первая мировая: Неоконченная война: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. «Проблемы поиска и публикации российских и зарубежных источников о Первой мировой войне 1914–1918 гг. на современном этапе развития исторической науки». Москва, 18 июня 2014 г. Отв. ред. Е.И. Пивовар; сост. И.А. Анфертьев. Москва, РГГУ: 205–224.
- Сергиенко М.А. 2012. Военнопленные на юге Курской губернии в годы Первой мировой войны. Летопись Белогорья. 23 августа. Режим доступа: <https://belstory.ru/goroda/belgorod/voennoplenenne-na-yuge-kurskoy-gubernii-v-god-pervoy-mirovoy-voyn.html> (дата обращения: 25.11.2025)
- Солнцева С.А. 2000. Военнопленные в годы первой мировой войны. Вопросы истории. 4–5: 98–105.
- Черменский Е.Д. 1951. Россия в период империалистической войны и второй буржуазно-демократической революции (1914 – март 1917 гг.). Москва, «Правда», 39 с.
- Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. 1967. Ч. 3: Сельское хозяйство и крестьянство. Под. ред. Анфимова. Москва, Ленинград, Изд-во Акад. наук СССР, 540 с.
- Яковлев Н.Н. 1993. 1 августа 1914 г. Москва, Мол. Гвардия, 239 с.

References

- Anfimov A.M. 1962. Rossiyskaya derevnya v gody pervoy mirovoy voyny (1914–1917 gg.) [The Russian Village during the First World War (1914–1917)]. Moscow, Sotsekziz, 383 p.
- Bovykin V.I. 1988. Rossiya nakanune velikikh sversheniy. K izuch. sots.-ekon. predposylok Velikoy Okt. sots. revolyutsii [Russia on the Eve of Great Achievements]. Moscow, Nauka, 151 p.
- Vasyukov V.S. 1966. Vneshnyaya politika Vremennogo pravitel'stva [Foreign Policy of the Provisional Government]. Moscow, Mysl', 496 s.
- Gavrikov F.A. 2022. Glavy gorodov Chernozem'ya v gody Pervoy mirovoy voyny [Heads of the Cities of the Black Earth Region during the First World War]. Uchenye zapiski. Elektronnyy zhurnal Kurskogo

- gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes. Electronic Journal of Kursk State University]. 2(62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glavy-gorodov-chernozemya-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny/viewer> (data obrashcheniya: 01.08.2025)
- Gavrikov F.A. 2022. Organizatsiya zhizni gorodov Kurskoy gubernii v usloviyakh Pervoy mirovoy voyny [Organization of Life in the Cities of the Kursk Province during the First World War]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern Scientific Thought]. 2: 53–59.
- Gavrikov F.A. 2022. Rol' gorodov Kurskoy gubernii v organizatsii razmeshcheniya bol'nykh i ranenykh voinov, bezhentsev i voennoplennyykh, a takzhe pomoshchi frontu i sem'yam prizvannykh vo vremya Pervoy mirovoy voyny [The Role of the Cities of Kursk Province in Organizing the Accommodation of Sick and Wounded Soldiers, Refugees and Prisoners of War, as well as Assistance to the Front and the Families of those Called up during the First World War]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern Scientific Thought]. 4: 53–59.
- Golovin. N.I. 2001. Voennye usiliya Rossii v mirovoy voynie [Russia's Military Efforts in the World War]. Moscow, Kuchkovo pole, 434 p.
- Kitanina T.M. 1985. Voyna, khleb i revolyutsiya [War, Bread and Revolution]. Leningrad, Nauka: Leningr. otd-nie, 384 p.
- Kurtsev A.N. 1997. Bezhentsy I mirovoy voyny v Kurskoy gubernii: 1914–1917 [Refugees of World War I in Kursk Province: 1914–1917]. V: Kurskie tetradi: Kursk i kuryane glazami uchenykh [In: Kursk Notebooks: Kursk and the Kursk People through the Eyes of Scientists]. Kursk, B.i.: 33–64.
- Lyashchenko P.I. 1950. Istoriya narodnogo khozyaystva SSSR [History of the National Economy of the USSR]. Leningrad, Gos. izd-vo polit. lit., 656 p.
- Massovye istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Rossii perioda kapitalizma [Mass Sources on the Socio-Economic History of Russia during the Period of Capitalism]. 1979. Otv. red. I.D. Koval'chenko. Moscow, Nauka, 415 p.
- Pervaya mirovaya voyna: Diskussionnye problemy istorii [The First World War: Controversial Problems of History: Collection of Articles]: Sb. st. 1994. Otv. red. Yu.A. Pisarev, V.L. Mal'kov. Moscow, Nauka, 302 p.
- Saltyk G.A. 2015. Voennyy shpionazh v rossiyskoy provintsii v gody Pervoy mirovoy voyny. Po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Kurskoy oblasti [Military Espionage in the Russian Provinces during the First World War. Based on Materials from the State Archives of the Kursk Region]. V: Pervaya mirovaya: Neokonchennaya voyna: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu nachala Pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg. «Problemy poiska i publikatsii rossiyskikh i zarubezhnykh istochnikov o Pervoy mirovoy voynie 1914–1918 gg. na sovremennom etape razvitiya istoricheskoy nauki» [In: The First World: The Unfinished War: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Outbreak of the First World War 1914–1918. "Problems of Searching and Publishing Russian and Foreign Sources on the First World War 1914–1918 at the Present Stage of Development of Historical Science"]. Moscow, 18 iyunya 2014 g. Otv. red. E.I. Pivovar; sost. I.A. Anfert'ev. Moskva, RGGU: 205–224.
- Sergienko M.A. 2012. Voennoplenyye na yuge Kurskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny [Prisoners of War in the South of Kursk Province during the First World War]. *Letopis' Belgor'ya*. 23 avgusta. Rezhim dostupa: <https://belstory.ru/goroda/belgorod/voennoplenne-na-yuge-kurskoy-gubernii-v-god-pervoy-mirovoy-voyn.html> (data obrashcheniya: 25.11.2025)
- Solntseva S.A. 2000. Voennoplenyye v gody pervoy mirovoy voyny [Prisoners of War during the First World War]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 4–5: 98–105.
- Cheriminskiy E.D. 1951. Rossiya v period imperialisticheskoy voyny i vtoroy burzhuazno-demokraticheskoy revolyutsii (1914 – mart 1917 gg.) [Russia during the Imperialist War and the Second Bourgeois-Democratic Revolution (1914 – March 1917)]. Moscow, «Pravda», 39 p.
- Ekonomicheskoe polozhenie Rossii nakanune Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii [The Economic Situation of Russia on the Eve of the Great October Socialist Revolution]. 1967. Ch. 3: Sel'skoe khozyaystvo i krest'yanstvo [Part 3: Agriculture and the Peasantry]. Pod. red. Anfimova. Moskva, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 540 p.
- Yakovlev N.N. 1993. 1 avgusta 1914 g. [August 1, 1914] Moscow, Mol. Gvardiya, 239 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 14.08.2025
Поступила после рецензирования 04.09.2025
Принята к публикации 06.09.2025

Received 14.08.2025
Revised 04.09.2025
Accepted 06.09.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергиенко Марина Александровна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0001-9142-9926](#)

Галушкино Инна Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-3547-8560](#)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina A. Sergienko, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Head of the Department of Russian History and Records Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Inna G. Galushko, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Russian History and Records Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia